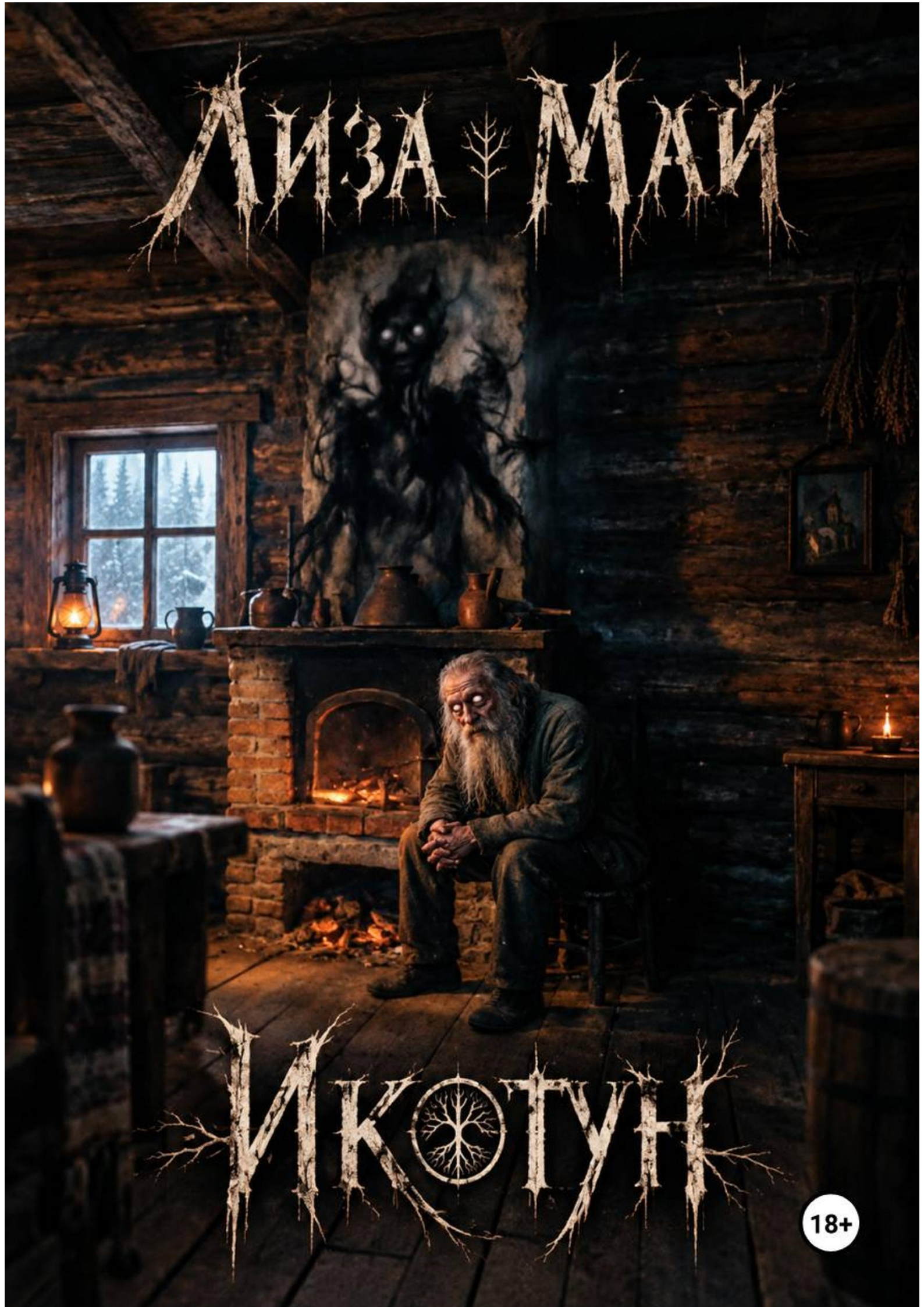

ЛИЗА МАЙ

НИКОТУН

18+

Лиза Май

Икотун

«Автор»

2026

Май Л.

Икотун / Л. Май — «Автор», 2026

Есть поверье: нельзя смеяться над тем, кто икает. В русских деревнях это знали. Ещё они знали заговор — ты тоже его слышал: «Икота, икота, перейди на Федота. С Федота на Якова. С Якова на всякого». Никто не помнил, кто они. Никто не спрашивал, почему икота должна уйти именно к ним. Так передавали от бабки к внучке, не вдумываясь. Слова — и слова. Но за ним стоит нечто древнее. Оно ждёт. Оно всегда ждало. И ему всё равно, веришь ты в него или нет. Ты уже чувствуешь, как в горле и горле что-то сжалось? Это оно...

© Май Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Два брата	5
Глава 1. Диссертация	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Лиза Май

Икотун

Пролог. Два брата

Изба стояла на краю деревни, у самого оврага, и в тот вечер казалось, что она вросла в землю ещё глубже — так тяжело нависала над ней темнота. Окна светились тускло, неровно. Лучина, горевшая в железном светце, шипела, плевалась искрами, и от этого тени на стенах дёргались, как живые. Пахло дымом, топлёным воском, квашеной капустой и чем-то застоявшимся — запахом долгой зимы, которая никак не хотела уходить.

За длинным столом сидели семеро. В центре стола стоял горшок с кашей, уже остывшей, и жбан кваса, наполовину пустой. По простым глиняным чашкам мерно стучали потемневшие от времени деревянные ложки.

За окном ветер скрёб по брёвнам, где-то далеко, за оврагом, лаяла собака — глухо, обречённо, как будто и она устала от этой зимы.

В углу, у печи, сидел старик — сгорбленный, с седой бородой, которая казалась приклеенной к лицу. Звали его дедом Семёном. Он держал в руках глиняную чашку с водой, смотрел в неё, как в прорубь, и икал. Тихо, беспомощно. Икота вырывалась из него судорожно — короткое «Ик». Пауза. «Ик». Ещё пауза.

Плечи старика дёргались. Он конфузился, прикрывал рот ладонью. Кто-то сказал, что если пить воду, то перестанешь икать. Но ему это не помогло. Вода стекала по бороде, капала на рубаху. Он вытирался рукавом и снова икал.

Первой не выдержала молодая женщина — жена кузнеца, румяная, с яркими бусами на шее. Она хихикнула, прикрыв рот концом платка. Потом фыркнул кто-то ещё. Смех прокатился по столу, робкий, неуверенный. Люди переглядывались. Улыбались. Старик краснел всё сильнее, и от стыда и смущения икал громче и чаще. «Ик-ик». «Ик-ик-ик».

Федот сидел во главе стола. Широкоплечий, бородатый, с огромными ручищами, которые привыкли много работать и не привыкли сжиматься в кулак без нужды. Он был старшим сыном в семье, и это чувствовалось во всём — в том, как он сидел, как смотрел, как говорил. Он не смеялся вместе со всеми. Он ждал. И когда смех стал громче, когда старик совсем сник, Федот ухмыльнулся и сказал — негромко, но так, чтобы услышали все:

— Икота, икота. Нашла на кого. На деда Семёна. На старого пса. Ему уж помирать пора, а он всё икает. И нас развлекает.

Кто-то засмеялся громче. Старик опустил голову. Федот отпил кваса, вытер рот тыльной стороной ладони и добавил, кивнув в сторону брата:

— Икота, икота, перейди на Якова. Он у нас здоровый. Выдержит.

Яков сидел напротив. Худой, жилистый, с нервными пальцами, которые всё время что-то вертели — то ложку, то край скатерти, то пуговицу на рубахе. Он был младше Федота на семь лет. Он умнее Федота, это все знают. Он бы лучше справился с управлением землёй, которую Федот получил в наследство. Но отец посчитал, что Яков уже получил больше — ум. Оба брата считали, что их обделили: Федоту хотелось так же метко использовать слова и знания, как младшему.

Яков поднял голову. Медленно. Посмотрел на брата. И — улыбнулся. Нехорошо так, кривенько.

— А с Якова — на Федота, — сказал он тихо. — Он у нас мощный. Пусть тоже потерпит.

Слова повисли в воздухе. Лучина треснула, и искра от неё упала на стол, погаснув в лужице кваса. Федот посмотрел на брата.

Они играли в гляделки. Долго. Так смотрят перед тем, как ударить. Но ни один не ударил.

Федот усмехнулся. Откинулся на лавке.

— Ну, — сказал он. — Пусть попробует.

И засмеялся громко, раскатисто.

Яков смотрел на него секунду. Две. Потом тоже засмеялся. Сначала тихо, нехотя. Потом громче. Потом — взхлёб. Они смеялись друг над другом. Они смеялись вместе. Впервые за много лет. И этот смех был страшнее любой ссоры.

Но женщина с бусами прыснула в платок. Кузнец подхватил смех, хлопнув ладонью по столу. Остальные не остались в стороне. Смех покатился по избе, набирая силу.

Люди переглядывались, кивали, подмигивали. Для них это была забавная игра. Никто не думал, что это обернется чем-то плохим.

Один только дед Семён не смеялся. Он смотрел на братьев. На их раскрасневшиеся лица. На то, как они запрокидывают головы, как хватаются за животы, как слёзы текут по щекам. Он смотрел — и что-то в нём менялось. Его глаза наполняло что-то древнее и тёмное. Что-то, что знало: так не должно быть. Нельзя играть с икотой. Нельзя называть имена. Нельзя так громко смеяться, когда кто-то рядом икает.

Федот хохотал, запрокинув голову и широко открыв рот. Он хлопал ладонью по столу, и от этого посуда звенела, создавая какофонию. Яков вторил ему — визгливо, истерично, хватаясь за живот. Слёзы текли по их лицам. Они не могли остановиться. Смех становился судорожным. Болезненным.

И тогда дед Семён встал — его колени хрустнули. Он поставил чашку на стол — тихо, но в наступившей тишине этот звук прозвучал как удар. Смех оборвался. Все посмотрели на старика. Он стоял, сгорбленный, маленький, но в нём вдруг появилось что-то такое, от чего Федот замолчал, а Яков поперхнулся и закашлялся.

Семён смотрел на них. И в его глазах была не обида — сверкала злоба. Глубокая, старая, как ночь за окном. Такая, которую копишь годами, которую прячешь за смирением, но которая никуда не уходит. Просто ждёт.

— Икота, — сказал он. Тихо. Но так, что слышали все. — Икота.

Он сделал шаг вперёд, топнул ногой. Лучина дрогнула и треснула. Тени на стенах причудливо изогнулись.

— Икота, икота. Перейди на Федота.

Голос старика был ровным. Спокойным. Страшным.

— С Федота на Якова.

Взгляд деда Семёна стрелял то в одного брата, то в другого. Казалось, его злоба способна запалить погасшую лучину.

Федот открыл рот, но не смог произнести ни слова. Яков побледнел. Пальцы, трепавшие пуговицу на воротах, замерли.

— А с него — на всякого, — и ткнул пальцем в каждого, кто сидел за столом.

Последние слова Семён произнёс почти шёпотом. Но в тишине избы они прозвучали как приговор.

Все замерли. Лучина разгорелась сильнее, и тени плясали на стенах, словно сумасшедшие. В глазах старика сверкали искры. Он раскачивался из стороны в сторону и продолжал тыкать пальцем в людей.

Жена кузнеца в испуге прижала платок ко рту. Сам же кузнец смотрел в стол, не моргая. Никто не понимал, что произошло. Но все чувствовали: что-то случилось. Что-то непоправимое.

Федот сглотнул. Хотел что-то сказать. Хотел засмеяться. Хотел отмахнуться — дед, мол, старый, из ума выжил. Но не смог. В горле что-то застряло. Что-то сжалось. Что-то дёрнулось.

«Ик».

Звук был тихий и беспомощный, такой же, как до этого был у старика.

Федот прижал ладонь к груди. Посмотрел на брата. Яков смотрел на него. И в их глазах читался страх.

«Ик».

Следующим был Яков.

Они икали по очереди. Сначала тихо. Потом громче. Потом — судорожно, болезненно, как будто что-то внутри них рвалось наружу. Они в ужасе смотрели друг на друга и не могли остановиться.

А дед Семён стоял, покачиваясь из стороны в сторону, смотрел на братьев и улыбался.

В углу, над печью, задрожал воздух. Как будто что-то проступало из темноты. Некий силуэт, морок, у которого ещё не было имени. Он искал путь в мир людей. И, кажется, нашёл.

Братья икали, и этот звук — «ик», «ик», «ик» — наполнял избу, как погребальный звон.

Семён устало опустился на лавку, как будто закончил тяжёлую работу. Он смотрел на братьев. На их дёргающиеся плечи. На их побелевшие лица. И не понимал, что происходит.

Семён закрыл глаза. И икнул. Один раз. Тихо.

«Ик».

И испустил дух.

Глава 1. Диссертация

Иван сидел за столом уже четвёртый час. Глаза слезились от монитора, спина затекла, чай в кружке давно остыл и покрылся радужной плёнкой. Но он был слишком увлечён работой, чтобы заметить всё это.

Квартира была маленькой, но аккуратной. Всюду был идеальный порядок — книги на полках стояли в алфавитном порядке, подобраны по размеру. Важные бумаги разложены по папкам, каждая из которых была подписана каллиграфическим почерком. Всё на своих местах. Всё под контролем.

На стене, над столом, висела фотография. Женщина. Лет тридцати. Во взгляде женщины плескалось солнце, её широкая и искренняя улыбка будто освещала комнату.

Снимок был старым, плёночным, немного выцветшим по краям. Женщины давно не было. Иван не любил говорить о ней, но фотографию не снимал. И каждое утро садился за стол, смотрел на неё, а потом отводил взгляд, словно что-то вспоминал, потом тяжело вздыхал и начинал работать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.